

КОММЕНТАРИИ И ТОЛКОВАНИЯ

Доказывание по уголовному делу: познание или обоснование?

*Сергей Борисович Россинский**

Ни одна проблема уголовно-процессуальной науки и практики, ни один институт уголовно-процессуального права никогда не вызывали такого интереса у специалистов и не побуждали к такому изобилию дискуссий, какие традиционно были и остаются присущи различным аспектам доказывания обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. И здесь нет ничего странного, поскольку феномен доказывания занимает особое место в общей системе уголовно-процессуального регулирования, заметно отличаясь от всех остальных правовых процедур, составляющих содержание уголовного судопроизводства. Такое исключительное положение доказывания детерминировано, по крайней мере, двумя факторами.

Во-первых, потребность в доказывании является основной причиной, предопределяющей как само существование, так и порядок реализации подавляющего большинства уголовно-процессуальных правоотношений (проведения различных уголовно-процессуальных действий, принятия уголовно-процессуальных решений, осу-

ществления иных форм поведения участвующих в уголовном деле лиц). Ученые-процессуалисты уже неоднократно подчеркивали, что положения теории доказывания и нормы доказательственного права самым тесным образом связаны со всем уголовным судопроизводством, переплетены с его задачами, принципами, полномочиями следственных и судебных органов, взаимодействуют с системой процессуальных гарантий, правами вовлеченных в уголовное дело лиц и т.д.¹ Другими словами, именно необходимость доказывания различных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, обуславливает многоэтапный и многоаспектный порядок предварительного расследования и судебного разбирательства, характеризующийся достаточно длительными сроками, сложными юридическими процедурами и большим количеством участвующих субъектов. В противном случае (если на мгновение предположить возможность существования какой-то чудесной

* Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА).

¹ См., например: Каз Ц.М. Доказательства в советском уголовном процессе. Саратов: Саратовский госуниверситет, 1960. С. 4; Лупинская П.А. Доказывание в советском уголовном процессе: учеб. пособие. М.: ВЮЗИ, 1966. С. 5; Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. М.: Юрид. лит., 1973. С. 5 и др. работы.

способности человека, например, судьи, изначально знать все необходимые обстоятельства, связанные с совершением преступления) производство по любому уголовному делу сводилось бы лишь к постановлению приговора. Поэтому многие известные правоведы называли доказывание «сердцевиной», «стержнем», «душой» уголовного судопроизводства, отмечали, что оно пронизывает деятельность всех его участников и осуществляется на всем его протяжении².

Во-вторых, уголовно-процессуальное доказывание предполагает не сугубо правовую, а комплексную, синтетическую природу, основанную на философских закономерностях гносеологии и формальной логики, определяющих сущность познания различных сведений и обоснования соответствующих решений. Указанные закономерности имеют природное происхождение (даны человеку «свыше») и поэтому не зависят от искусственно созданных юридических норм и правил. Более того, несмотря на пристальное внимание философов, психологов, психофизиологов, нейропсихологов и других специалистов, сами по себе психические процессы познания человеком обстоятельств объективной реальности и логического мышления в настоящее время остаются до конца не изученными, непонятыми, вызывающими целый ряд неразрешенных вопросов. В частности, на сегодняшний день ученым доподлинно неизвестна природа декодирования нервных импульсов, поступающих от органов чувств в кору головного мозга и обуславливающих формирование соответствующих мысленных образов, то есть преобразования допсихических сенсорных процессов в процессы восприятия. В специальной литературе отмечается, что на все эти вопросы пока можно ответить лишь предположительно³.

Кроме того, существующие в философии взгляды на природу познания и логического мышления вообще не отличаются единообразием. Они предполагают множество самых разных, в том числе и противоречащих друг другу, точек зрения, обу-

словленных разнообразными мировоззренческими подходами, формировавшимися в различные исторические периоды развития человеческого общества.

В этой связи нет ничего удивительного в том, что объективно существующие и до конца не изученные закономерности гносеологии и формальной логики далеко не всегда можно четко гармонизировать с процессуальной формой, являющейся результатом социальных и политических компромиссов и конструируемой в условиях сложной правотворческой процедуры. К тому же процессуальная форма по своей сути предназначена не столько для юридической легализации указанных закономерностей как таковой, сколько для разумного сдерживания изобретенных людьми средств и методов познания, для направления доказывания в «нужное» русло посредством создания надлежащих правовых гарантий доброкачественности получаемых результатов, отвечающих социальным ценностям определенного общества и государства в определенный период развития.

Таким образом, теория доказывания, основанные на ней положения закона и соответствующая правоприменительная практика уже изначально наполнены целым спектром внутренних противоречий. А в условиях современной российской реальности, предполагающих нестабильность уголовно-процессуальной формы, частые, в том числе достаточно серьезные «метания» законодателя из стороны в сторону, поиск какого-то нового, собственного национального пути развития уголовного судопроизводства, указанные противоречия приобретают еще более острый характер. По мнению А.А. Давлетова, существующие здесь проблемы исчисляются несколькими десятками, причем их количество продолжает возрастать – настолько, насколько расширяется и углубляется их научное исследование⁴.

На сегодняшний день практически ни один вопрос, связанный с доказыванием по уголовному делу, не получил своего окончательного разрешения. Причем вплоть до настоящего времени ученые так и не пришли к единому пониманию самой сущности этого сложного процесса и связанных с ним методологических категорий, дискуссии по

² См.: Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М.: Госюриздат, 1961. С. 41; Шейфер С.А. Собирающие доказательства по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики. М.: Норма, 2015. С. 12 и т.д.

³ См.: Восприятие и действие / под ред. А.В. Запорожца. М.: Просвещение, 1967. С. 40; Маклаков А.Г. Общая психология. СПб.: Питер, 2001. С. 431, 434.

⁴ См.: Давлетов А.А. Основы уголовно-процессуального познания. 2-е изд. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 1997. С. 13–14.

данному поводу продолжают уже не один десяток лет.

Многие правоведы считали и продолжают считать доказывание специфической (процессуальной) разновидностью познания человеком обстоятельств объективной реальности, характеризующейся опосредованным восприятием юридических фактов, направленностью на строго определенный круг обстоятельств, установленной законом процессуальной формой и т.д.⁵ В отдельных публикациях указанный подход дополняется вполне разумным тезисом, предполагающим необходимость обязательного удостоверения (фиксации) результатов процессуального познания в предусмотренном законом порядке⁶.

Другие специалисты придают уголовно-процессуальному доказыванию более широкий, как бы универсальный характер, предполагающий включение в его содержание и познавательных (познавательно-удостоверительных) приемов и различных аргументационно-логических операций⁷. Данный подход представляется более разумным и справедливым, поскольку максимально отражает преемственность доказывания по отношению к общим законам гносеологии и формальной логики, то есть позволяет в наибольшей степени гармонизировать уголовно-процессуальную теорию с реальными жизненными потребностями правоприменительной практики, а при правильном использовании в тексте закона – минимизировать те неизбежные противоречия, которые детерминированы сложной сочетаемостью объективно

существующих закономерностей познавательной и мыслительной деятельности человека с уголовно-процессуальной формой.

Замысел настоящей статьи не предполагает участия в указанной научной дискуссии. Эти проблемы достаточно подробно рассмотрены нами в иных публикациях. Да и вообще возникающие здесь споры и разногласия в определенной степени имеют искусственный характер, обусловленный не более чем отсутствием единообразия в употребляемой терминологии.

Вместо этого хотелось бы обратить внимание на другое обстоятельство. Наряду с приведенными подходами в теории уголовного процесса существует еще одна доктринальная позиция, вступающая в определенный научный диссонанс со всеми иными точками зрения. Она предполагает полное разграничение доказывания и познания как принципиально разных форм реализации уголовно-процессуальных правоотношений. Ее авторы наделяют доказывание не познавательным, а сугубо аргументационным смыслом, понимая под ним поведение сторон, выражающееся в формировании и изложении различных доводов и аргументов, позволяющих обосновать правильность своей позиции перед судом как субъектом уголовной юрисдикции. Иными словами, познание и доказывание в данном случае дифференцируются по функциональному признаку – как принципиально разные способы реализации процессуальных функций, отнесенных к ведению различных участников в условиях состязательности: познание – прерогатива суда, а доказывание – прерогатива сторон.

Одним из первых отечественных процессуалистов подобную точку зрения высказал С.В. Курылев, выразивший ее в виде научного афоризма «Доказывание не познание, оно – для познания»⁸. Проводя свои исследования на стыке наук уголовного и гражданского процесса, автор считал познание сферой деятельности суда, а доказывание – прямым предназначением сторон, необходимость в котором возникает лишь в том случае, если одна сторона оспаривает утверждения другой.

Однако наибольшее развитие («второе рождение») эти идеи получили в последнее время в свя-

⁵ Трусов А.И. Основы теории судебных доказательств. М.: Госюриздат, 1960. С. 8–10; Лупинская П.А. Указ. соч. С. 21–22; Божьев В.П. Основные вопросы советского уголовного процесса: учеб. пособие. М.: Академия МВД СССР, 1978. С. 81; Костенко Р.В. Доказательства в уголовном процессе: концептуальные подходы и перспективы правового регулирования: дис. ... докт. юрид. наук. Краснодар: КубГАУ, 2006. С. 35 и др. работы.

⁶ См.: Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькин П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж: Воронежский госуниверситет, 1978. С. 183; Копьева А.Н. Доказывание по уголовным делам в вышестоящем суде. Иркутск: Иркутский госуниверситет, 1990. С. 12 и др. работы.

⁷ См.: Арсеньев В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М.: Юрид. лит., 1964. С. 92; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т.1. М.: Наука, 1968. С. 299; Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2008. С. 17; Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юрист, 2009. С. 32–33 и др. работы.

⁸ Курылев С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск: БГУ имени В.И. Ленина, 1969. С. 33–35.

зи с внедрением в российский уголовный процесс принципа состязательности, предполагающего четкую дифференциацию участвующих лиц в зависимости от выполняемых ими функций: обвинения, защиты, разрешения уголовного дела (ст. 15 УПК РФ). Так, Ю.П. Боруленков полагает, что при определении сущности юридического познания и доказывания следует, прежде всего, исходить из функций соответствующих субъектов и наличия их специфического интереса. При этом под доказыванием автор понимает деятельность сторон, направленную на обоснование высказываемых ими утверждений, а под познанием – деятельность суда⁹. Схожих взглядов придерживаются и другие современные специалисты¹⁰.

Кстати, в этой связи весьма примечательно, что в науке гражданского процесса подобные позиции появились гораздо раньше и укоренились значительно глубже. Еще в 1950 г. известный советский цивилист А.Ф. Клейнман предлагал освободить суд от бремени доказывания и целиком возложить эту обязанность на стороны. «Суд не доказывает, – писал ученый, – он решает; его обязанность – разрешить спор сторон»¹¹. Несколько позднее Л.А. Ванеева отмечала, что доказывание в гражданском процессе – это деятельность сторон и иных участников судопроизводства по обоснованию истинности предъявленных требований или возражений, тогда как познание – всего лишь форма восприятия обстоятельств, имеющих значение для гражданского дела¹². Аналогичные взгляды высказывались О.П. Чистяковой¹³ и некоторыми другими специалистами. Авторы современного «Курса доказательственного права в гражданском и арбитражном

процессе» вообще считают познание и доказывание исконно гетерогенными категориями¹⁴.

Несмотря на оригинальность и нестандартность (по крайней мере, для теории уголовного процесса), согласиться с данной позицией более чем сложно. Подобный подход вообще плохо сочетается с национальной моделью уголовного судопроизводства, которая, при всей своей противоречивости, сохраняет приверженность к континентальному (романо-романскому) типу. Невзирая на предпринятую попытку введения в УПК РФ принципа состязательности в его англо-американском варианте, законодатель сохранил в уголовном процессе предварительное расследование, предполагающее интеграцию юрисдикционных (следственных) полномочий с полномочиями по осуществлению уголовного преследования, т.е. фактическое переплетение функции разрешения уголовного дела с функцией обвинения.

Не желая в рамках настоящей статьи в очередной раз заострять внимание на общих проблемах, тенденциях и перспективах развития российского досудебного производства, отметим лишь, что ввиду указанных причин существующая модель в принципе не позволяет обеспечить разграничение познавательного (познавательного-удостоверительного) и аргументационно-логического аспектов доказывания в том варианте, за который ратуют сторонники рассматриваемого подхода.

При этом вполне очевидно, что имеющая место в последние годы активизация предлагаемых ими идей во многом является следствием возникшей в 1990-е гг. тенденции, связанной с вестернизацией (точнее, с американизацией) российского уголовного судопроизводства, вызвавшей в определенных кругах научную «моду» на заимствование различных теоретических положений из англосаксонской уголовно-процессуальной доктрины.

На первый взгляд, такой подход к сущности доказывания гораздо проще соотносить с механизмами гражданского или арбитражного процесса, которые из-за отсутствия необходимости формирования публично-правовой претензии не предполагают досудебного производства и вообще характеризуются меньшей активностью суда и большими диспозитивными возможностями сторон. Видимо,

⁹ См.: Боруленков Ю.П. Юридическое познание. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 220–221.

¹⁰ См.: Татаров Л.А. Методические и методологические проблемы доказывания обстоятельств преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д.: Ростовский юридический институт МВД России, 2007. С. 14–15; Машовец А.А. Доказывание уголовного иска в состязательном судопроизводстве // Общество и право. 2013. № 2 (44). С. 155 и др. работы.

¹¹ См.: Клейнман А.Ф. Основные вопросы теории доказательств в советском гражданском процессе / отв. ред. М.А. Гурвич. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 40.

¹² См.: Ванеева Л.А. Судебное познание в советском гражданском процессе. Владивосток: Дальневосточный госуниверситет, 1972. С. 43.

¹³ См.: Чистякова О.П. Проблема активности суда в гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: МГЮА, 1997. С. 22.

¹⁴ См.: Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс / под ред. М.А. Фокиной. М.: Статут, 2014. С. 107.

именно по этой причине в науке гражданского процесса данные идеи высказываются уже достаточно давно и укоренились значительно глубже. Кстати, и один из основоположников разграничения познания и доказывания – профессор С.В. Курылев – вообще-то был ученым-цивилистом. И хотя его труды, в частности, известная монография «Основы теории доказательств в советском правосудии», оказывали и продолжают оказывать огромное влияние на развитие теории уголовно-процессуального доказывания, они все-таки более касались проблем гражданского процесса.

Но при ближайшем рассмотрении подобная позиция представляется достаточно спорной даже в части судебного рассмотрения гражданских дел. А в публичном уголовном судопроизводстве, где суд – это больше, чем просто суд, а стороны, несмотря на задекларированное равноправие перед судом, имеют совершенно разные процессуальные полномочия, права и обязанности, такая позиция вообще абсолютно неприемлема.

Доказывание нельзя рассматривать только как направление логических посылов внешнему адресату с одной лишь целью – убедить его правильности собственного тезиса и ошибочности позиции процессуального оппонента. При всей своей внешней псевдозэстетике, при всем напоминании красивых голливудских киноисторий про выступления адвоката в суде данный подход совершенно нежизнеспособен, поскольку лишает высказываемые обвинением и защитой доводы и аргументы смыслового содержания, превращая их в пустое «сотрясание воздуха», а саму состязательную форму уголовного процесса – в беспредметный спор (как бы спор ради спора). Мы не уверены, уместно ли здесь подобное сравнение, но такое понимание доказывания невольно напоминает распространенные нынче дискуссии анонимных комментаторов в Интернете, в частности в социальных сетях: неважно, о чем и зачем, главное поспорить, дабы самоутвердиться и показать своим оппонентам их неправоту.

Любой довод или аргумент, тем более связанный с установлением обстоятельств уголовного дела, не может появиться из ниоткуда; он всегда основывается на предварительном познании различных сведений, позволяющих соответствующему субъекту вначале сформировать свое собственное видение проблемы и правовых способов ее раз-

решения, а уж затем – постараться убедить в этом иных лиц. Причем ввиду всеобщих и единых закономерностей гносеологии и формальной логики эти механизмы пронизывают деятельность любых участников уголовного судопроизводства независимо от возложенных на них функций. И познавательный (познавательно-удостоверительный), и аргументационно-логический этапы доказывания свойственны как субъекту уголовной юрисдикции, так и сторонам, хотя при этом они предполагают разные формы, обусловленные различным предназначением соответствующих участников и особенностями их процессуальных статусов. Например, познание обстоятельств уголовного дела, осуществляемое обвиняемым, защитником, потерпевшим и иными заинтересованными лицами, вообще не характеризуется жесткой формализацией и осуществляется в достаточно свободном режиме. Но это вовсе не означает его отсутствия. Указанные лица знакомятся с материалами уголовного дела, присутствуют при непосредственном исследовании доказательств в судебном заседании, имеют право самостоятельного представления различных предметов, документов и т.д. Кстати, примерно такие же приемы свойственны для познавательной деятельности государственного обвинителя, который тоже знакомится с материалами направляемого в суд уголовного дела вне какой-либо четко установленной процессуальной процедуры (ч. 1 ст. 221, ч. 1 ст. 226, ч. 1 ст. 226.8, ч. 3 ст. 227 УПК РФ). А вот аргументационно-логический этап доказывания в части реализации своих функций этими лицами носит, в первую очередь, «экспортный» характер и сводится к обоснованию позиции перед дознавателем, следователем, судом посредством ранее накопленной информации – путем участия в судебных прениях, заявлений и обсуждений ходатайств, обжалования и направления возражений на поданные жалобы и т.д. Хотя, на наш взгляд, обвиняемый, защитник, потерпевший, иные заинтересованные лица в определенном смысле выступают и субъектами оценки доказательств, поскольку «экспорт» своей позиции в адрес дознавателя, следователя, суда невозможен без предварительной интеграции накопленных (познанных) сведений в соответствующие доводы и аргументы. Правда, подобная «внутренняя» (как бы собственная) оценка не имеет юридических последствий, так как указные участники не наделены государственно-

властными полномочиями по принятию юрисдикционных решений. Но, тем не менее, игнорировать факт ее существования – значит попросту опровергать общие законы гносеологии и формальной логики, данные людям «свыше» и не зависящие ни от какой процессуальной формы.

С другой стороны, участие в уголовном деле субъектов уголовной юрисдикции, в первую очередь суда, тоже не может сводиться лишь к познавательно-удостоверительному аспекту доказывания. Наряду с техническим накоплением доказательств дознаватель, следователь или суд обязаны дать им надлежащую фактическую и юридическую оценку, сопоставить их между собой, интегрировать подлежащие использованию сведения в четкие логические доводы и аргументы и, в конце концов, прийти к определенным умозаключениям, обуславливающим постановление приговора, издание иного следственного либо судебного акта. В противном случае из полноценных и активных субъектов доказывания они превратились бы в пассивных «накопителей» доказательств и технических «регистраторов» позиций сторон, а решения принимались бы по сугубо формальному принципу – у кого больше доказательств, тот и прав. В конце концов, законодатель прямо возлагает оценку доказательств, выражающуюся в совокупности умственно-аналитических операций, на дознавателя, следователя, прокурора и суд (ч. 1 ст. 17 УПК РФ).

Аргументационно-логический элемент доказывания в деятельности субъектов уголовной юрисдикции имеет как «внутренний», так и «экспортный» аспекты. «Внутренний» аспект выражается в обращении проводимых мыслительных операций как бы самому себе – в целях формирования личной убежденности в правильности и доброкачественности выносимого правоприменительного решения. И поэтому он находится в тесной взаимосвязи с предъявляемым к любым приговорам, постановлениям или определениям требованием обоснованности (ч. 4 ст. 7, ч. 1 ст. 297 УПК РФ). В свою очередь, «экспортный» аспект направлен на обоснование сформированной правоприменительной позиции перед всеми потенциальными читателями и взаимосвязан с другим требованием, предъявляемым к правоприменительным актам, – их мотивированностью. В частности, при постановлении приговора суду надлежит дать оценку

всем исследованным в судебном заседании доказательствам, как уличающим, так и оправдывающим подсудимого. При этом излагаются доказательства, на которых основаны выводы суда по вопросам, разрешаемым при постановлении приговора, и приводятся мотивы, по которым те или иные доказательства отвергнуты судом¹⁵.

Кстати, хотелось бы отметить, что аргументационно-логический этап доказывания свойственен для любых форм уголовно-процессуальной деятельности, в том числе и для особого порядка судебного разбирательства, предусмотренного гл. 40 УПК РФ. Безусловно, что данная форма осуществления правосудия не предполагает полноценного судебного следствия и судебных прений, направленных на обоснование сторонами своих позиций по вопросам предстоящего приговора. Однако подобная ограниченность особого порядка никоим образом не освобождает судью от обязанности полноценного личного исследования имеющихся в уголовном деле доказательств, их оценки и логической аргументации своих выводов в целях вынесения процессуального решения. Законодатель прямо указывает на возможность постановления обвинительного приговора по уголовному делу лишь в случае, если судья придет к выводу, что обвинение, с которым согласился подсудимый, обосновано и подтверждается собранными доказательствами (ч. 7 ст. 316 УПК РФ). Очевидно, что сформулировать такой вывод без надлежащего исследования материалов уголовного дела и основанных на их оценке умозаключений (пусть даже проведенных вне условий состязательности) просто невозможно. Поэтому мы полностью согласны с С.А. Роговой, которая пишет, что судья, постановляя приговор в особом порядке, не только не освобождается от изучения материалов уголовного дела на предмет доказанности вины подсудимого, но и наделяется дополнительной обязанностью самостоятельно прийти к выводу о виновности лица, привлекаемого к уголовной ответственности, исключив при этом возможность формирования своего внутреннего убеждения с обвинительным либо оправдательным уклоном¹⁶. Таким

¹⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

¹⁶ См.: Роговая С.А. Проблемы оценки доказательств и принятия решений при особом порядке уголовного

образом, при особом порядке судебного разбирательства присутствуют как познавательные, так и аргументационно-логические аспекты доказывания, но в упрощенной форме. Познавательные механизмы доказывания, хотя и опосредованно, выражаются в ознакомлении судьи с письменными материалами досудебного производства¹⁷. Однако наибольшее значение для особого порядка приобретает именно аргументационная, мыслительно-логическая деятельность судьи, которая ввиду отсутствия полноценной состязательности, гласности и устности многократно усложняется¹⁸. Едва ли можно согласиться с И.Б. Михайловской, полагавшей, что появление гл. 40 УПК РФ, исключившей судебное следствие, устранило необходимость оценивать доказательства, полученные в ходе досудебного производства¹⁹. Зато совершенно правильными представляются позиции тех авторов, которые пишут о мыслительной деятельности и оценке судом доказательств как о необходимых атрибутах особого порядка судебного разбирательства, хотя и осуществляемых в усеченном варианте²⁰, в частности без необходимости письменной мотивировки выносимых решений.

Завершая настоящую статью, хотелось бы обратить внимание, что поднимаемая в ней проблема, к великому сожалению, во многом является следствием совершенно бесцеремонного отношения самого законодателя к сущности доказывания по уголовному делу, выраженного в противоречивости и несогласованности соответствующих норм УПК РФ. Например, положения одноименной гл. 11 УПК РФ предполагают широкое толкование доказывания, включая в его содержание деятельность органов предварительного расследования, прокурора, суда, а также участие подозреваемого, обвиняемого, защитника, потерпевшего и других

заинтересованных лиц. В свою очередь, ч. 2 ст. 14 УПК РФ, возлагая бремя доказывания на сторону обвинения, напротив, скорее имеет в виду узкое значение доказывания, сводящее его к обоснованию определенных обвинительных тезисов. Представляется, что аналогичный смысл заложен и в ч. 4 ст. 235 УПК РФ, возлагающей бремя доказывания на сторону, заявившую ходатайство об исключении недопустимого доказательства. А в абсолютном большинстве случаев используемый законодателем термин «доказывание» (УПК РФ в действующей редакции, включая наименования глав и статей, употребляет его 27 раз) вообще не предполагает четкой смысловой нагрузки и вполне может толковаться как в широком, так и в узком понимании.

Однако указанный законодательный изъян вряд ли сможет существенно повлиять на формирование каких-то принципиально новых подходов в правоприменительной практике. В конце концов, не так уж и важно, как называть те или иные элементы всего сложного механизма установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела: доказыванием, познанием, обоснованием тезисов или как-то еще. Важнее другое – то, что данный механизм, независимо ни от каких политических, социальных или правовых веяний, независимо ни от каких установленных законом формальных правил осуществления уголовно-процессуальной деятельности, по сути сводится к следующим базовым элементам: а) к некоему накоплению (установлению) определенным субъектом полезных сведений, имеющих значение для уголовного дела и б) к использованию этих сведений для обоснования правоприменительных решений. Поэтому под уголовно-процессуальным доказыванием мы понимаем весь сложный комплекс познавательных, удостоверительных и аргументационных приемов, осуществляемых органами предварительного расследования, прокурором, судом, а также подозреваемым, обвиняемым, защитником, потерпевшим и другими участниками уголовного судопроизводства, который методологически основан на законах гносеологии и формальной логики, определен нормами уголовно-процессуального законодательства и направлен на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, необходимых для принятия соответствующих правоприменительных решений.

судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет имени Н.И. Лобачевского, 2006. С. 122.

¹⁷ См.: Качалова О.В. Теоретические основы ускоренного производства в российском уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 158.

¹⁸ См.: Там же.

¹⁹ См.: Михайловская И.Б. Стандарты качества предварительного следствия задает суд // Расследование преступлений. Проблемы и пути их разрешения. Вып. 3. М.: Академия Следственного комитета РФ, 2014. С. 266.

²⁰ См.: Rogovaya C.A. Указ. соч. С. 122; Боярская. А.В. Доказывание в упрощенных судебных производствах уголовного процесса России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск: Томский госуниверситет, 2012. С. 7.

Библиографический список

1. *Арсеньев В.Д.* Вопросы общей теории судебных доказательств. М.: Юрид. лит., 1964.
2. *Божьев В.П.* Основные вопросы советского уголовного процесса: учеб. пособие. М.: Академия МВД СССР, 1978.
3. *Боруленков Ю.П.* Юридическое познание. М.: Юрлитинформ, 2014.
4. *Боярская А.В.* Доказывание в упрощенных судебных производствах уголовного процесса России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск: Томский госуниверситет, 2012.
5. *Ванеева Л.А.* Судебное познание в советском гражданском процессе. Владивосток: Дальневосточный госуниверситет, 1972.
6. Восприятие и действие / под ред. А.В. Запорожца. М.: Просвещение, 1967.
7. *Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькин П.С.* Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж: Воронежский госуниверситет, 1978.
8. *Давлетов А.А.* Основы уголовно-процессуального познания. 2-е изд. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 1997.
9. *Каз Ц.М.* Доказательства в советском уголовном процессе. Саратов: Саратовский госуниверситет, 1960.
10. *Качалова О.В.* Теоретические основы ускоренного производства в российском уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2015.
11. *Клейнман А.Ф.* Основные вопросы теории доказательств в советском гражданском процессе / отв. ред. М.А. Гурвич. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
12. *Копьева А.Н.* Доказывание по уголовным делам в вышестоящем суде. Иркутск: Иркутский госуниверситет, 1990.
13. *Костенко Р.В.* Доказательства в уголовном процессе: концептуальные подходы и перспективы правового регулирования: дис. ... докт. юрид. наук. Краснодар: КубГАУ, 2006.
14. Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс / под ред. М.А. Фокиной. М.: Статут, 2014.
15. *Курылев С.В.* Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск: БГУ имени В.И. Ленина, 1969.
16. *Лупинская П.А.* Доказывание в советском уголовном процессе: учеб. пособие. М.: ВЮЗИ, 1966.
17. *Маклаков А.Г.* Общая психология. СПб.: Питер, 2001.
18. *Машовец А.А.* Доказывание уголовного иска в состязательном судопроизводстве // Общество и право. 2013. № 2 (44).
19. *Михайловская И.Б.* Стандарты качества предварительного следствия задает суд // Расследование преступлений. Проблемы и пути их разрешения. Вып. 3. М.: Академия Следственного комитета РФ, 2014.
20. *Орлов Ю.К.* Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юрист, 2009.
21. *Рахунов Р.Д.* Участники уголовно-процессуальной деятельности. М.: Госюриздат, 1961.
22. *Роговая С.А.* Проблемы оценки доказательств и принятия решений при особом порядке уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет имени Н.И. Лобачевского, 2006.
23. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М.: Наука, 1968.
24. *Татаров Л.А.* Методические и методологические проблемы доказывания обстоятельств преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д.: Ростовский юридический институт МВД России, 2007.
25. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. М.: Юрид. лит., 1973.
26. *Трусов А.И.* Основы теории судебных доказательств. М.: Госюриздат, 1960.
27. *Чистякова О.П.* Проблема активности суда в гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: МГЮА, 1997.
28. *Шейфер С.А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2008.
29. *Шейфер С.А.* Собираание доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики. М.: Норма, 2015.